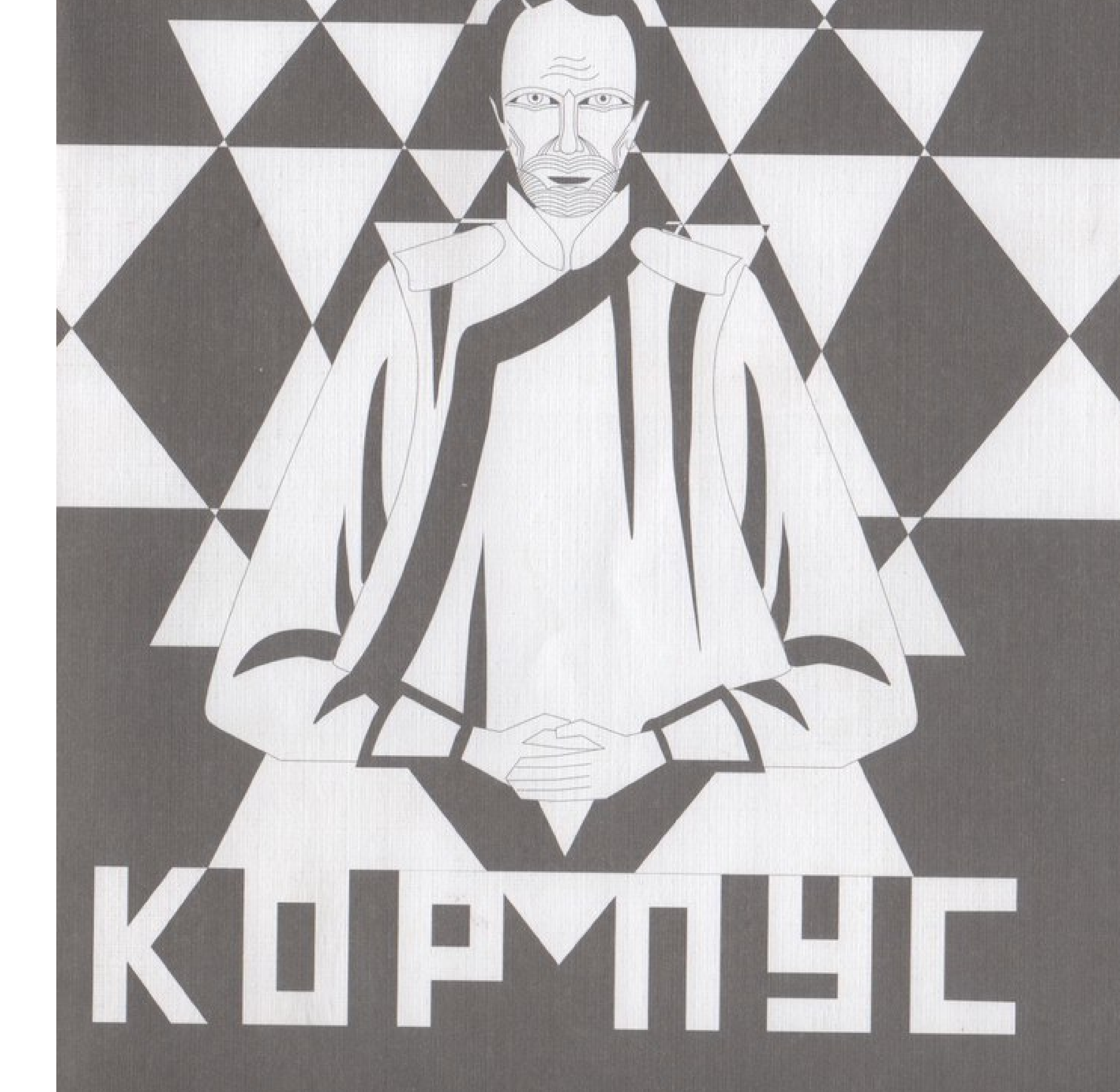
ЧЕРНЫЙ

ЧЕРНЫЙ КОРПУС

ОГЛАВЛЕНИЕ

УНГЕРН ФОН ШТЕРНБЕРГ — БОГ ВОЙНЫ

Андрей Жуков

Егений Вигилянский
«Барон Унгерн. Территория ненависти». 1992

«Звезда их не знает заката»
(Девиз рода баронов Унгерн фон Штернбергов)

«Унгерна отличала... одна... черта — абсолютная верность».
(«Элементы», 1993, N4)

«Кромешный Унгерн, Светозарный к Тебе, мой Царь, полки свои вели» — строки из замечательного стихотворения «Парсифаль» современного русского поэта Алексея Широпаева. «Кромешный Унгерн» — «кромешниками» в 16 веке именовали опричников первого русского Царя Иоанна Грозного. Барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг считал себя в полном смысле опричником последнего мистического русского Царя Михаила II, Государя, удерживающего имперское пространство от натиска сил распада и расовой деградации... (*О «великом князе Михаиле», который восстанет в последние времена против сатанинских сил хаоса и тьмы, с которыми, безусловно, ассоциировался в 1920-е гг. большевистский режим, говорилось в Книге Св.Пророка Даниила:* ***«И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа своего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени; но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге». (Книга Св. Пророка Даниила, XII, 1).*** «Последним опричником последнего Царя» барон Унгерн оставался до самого конца своей жизни, вплоть до того, как пуля чекистского палача не оборвала его земное странствие.

...Когда в 1956 г. Хрущев узнал, что правительство ФРГ собирается назначить послом в СССР представителя одной из ветвей древнего рода Унгернов, то ответ его был категоричен: «Нет! Был у нас один Унгерн, и хватит». Столь бурную реакцию Хрущева нетрудно понять, если вспомнить историю Гражданской войны, в которой отличился дальний родственник несостоявшегося посла, казачий офицер, барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг, своей отвагою заслуживший у монголов титул Бога Войны, Махагалы, возродившегося в человеческом теле. *(За-*

метим, что за полтора века до этого монголы обьявили российскую Императрицу Екатерину II «воплощением Белой Тары» — всевидяшей богини милосердия. С тех пор все русские Цари из Династии Романовых считались у монголов воплощениями Белой Тары — А.Ж..).

Роберт-Николай-Максимилиан Унгерн фон Штернберг родился 29 декабря 1885 года в австрийском городе Грац. Спустя два года Унгерны переехали в Ревель, где и остались жить. Очевидно, что причиной тому была «карма» «Бога Войны». И неважно, что будущий грозный воин родился на другом краю света. Колесо сансары, раскручиваясь, доставит бренное тело туда, где ему суждено совершить великие подвиги.

В 1896 году по выбору матери баронет отправился учиться в петербургский Морской корпус. При поступлении юноша изменил имя на русское — Роман Федорович. Новое имя ассоциировалось и с Царствующей Фамилией, и с именами древнерусских князей, и с Римской Империей... К концу жизни оно стало казаться как нельзя более подходящим его обладателю, чье презрение к смерти, воинственность и безпредельная верность свергнутой династии Романовых были широко известны.

Однако военным моряком Унгерн не стал. Едва началась война с Японией, он решил ехать на фронт и за год до выпуска поступил рядовым в пехотный полк. Так фон Штернберг впервые побывал на Дальнем Востоке, следуя путями Божественного промысла. Повоевать в тот раз не пришлось и, вернувшись в Санкт-Петербург, Унгерн поступил в Павловское пехотное училище. В 1908 г., в чине хорунжего, он выехал в расположение I-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска. Базировался полк уже не в долине реки Аргун, как во времена Кавказских войн, а на железнодорожной станции Даурия, между Читой и китайской границей.

В 1918 году ему, ветерану Первой Міровой войны, имевшему четыре ранения, Георгиевский крест и орден святой Анны 3-й степени, полновластный правитель Дальнего Востока генерал Семенов предоставил Даурию на правах феодального владения. Здесь и расцвел Бог Войны, в полном соответствии с каноном. А он таков: свирепое божество, дхармапала, стояшее на зашите буддизма, не знает жалости к врагу. На храмовых росписях коронованный пятью черепами Махагала изображается по колено в крови; на левой руке висит лук, пальцы сжимают сердце и почки врагов; правой рукой, испускающей пламя, он держит меч, упираясь им в небо. Рот страшно открыт, четыре острых клыка обнажены, брови и усы пламенеют, как огонь при конце міра. Вокруг лежат кости врагов... Лучшими друзьями Махагалы являются волки и совы.

Образ довольно мрачный. Но на то он и образ. Проявления его в нашем материальном міре проходили с поправкой на местные условия. Сходство, тем не менее, очевидно. Барон Унгерн был рыжим, его усы, брови (а также бородка) действительно пламенели. Набрасывая портрет Унгерна в своей книге «И звери, и люди, и боги» оказавшийся в его армии поляк Фердинанд Оссендовский прежде всего упоминает «безпорядочно разметанные белокурые волосы, рыжеватая щетина усов, худое изможденное лицо, напоминавшее лики старых византийских икон». Женщинами, как и подобает высшему существу, барон не интересовался. Правда, по воспоминаниям полковника В. Шайдицкого, одного из офицеров дивизии Унгерна, барон «был женат на китайской принцессе, европейски образованной, из рода Чжанкуй». 16 августа 1919 г. Унгерн венчался в Православной церкви в Харбине, и манчжурская принцесса получила русское имя — Елена Павловна.

Барон регулярно посылал ей деньги, а через год прислал бумагу, что разводится с ней. Единственной его усладой были «упоение в бою и жажда битвы на краю». В атаку барон-Махагала скакал с застывшими глазами, оскалившись и качаясь в седле. При этом водку не пил и наркотики не употреблял. Он просто любил свою войну. Без нее действительность казалась пустой и пресной. С обывательской точки зрения, фон Штернберг обладал извращенным чувством жизни, но смертным разумом как постичь Божественный Промысел?

Предназначением рода Унгернов было служение. На протяжении столетий предки барона служили Ричарду Львиное Сердце, Тевтонскому ордену Германии, наконец, Российской Империи. Сам барон однажды заметил, что «восемнадцать поколений его предков погибли в боях, на его долю должен выпасть тот же удел». Такая способность к самоотверженному, безкорыстному служению всегда отличала и отличает истинного рыцаря-аристократа от так называемой продажной «политической элиты». И после октября 1917 г. барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг одним из первых вступает в непримиримую борьбу с большевизмом. Он не просто воюет с коммунистами, он сражается со всем мерзейшим «третьим сословием», нарушившим иерархический божественный міропорядок. Он сражается за восстановление законной Царской Династии, подняв знамя со священным знаком Свастики. *(Бойцы Азиатской Конной дивизии носили черную свастику на желтых погонах — прим. А.Ж.).* Как безусловно мистически тонко настроенный человек, Унгерн хорошо понимал сокровенный, тайный смысл революции: «В буддийской и древнехристианской литературе встречаются суровые пророчества о времени, когда разразится битва между злыми и добрыми духами. Тогда в мір придет и завоюет его неведомое Зло; оно уничтожит культуру, разрушит мораль и истребит человечество. Орудием этого зла станет революция. ...В мір вошло Зло, о приходе которого знали Христос, апостол Иоанн, Будда, христианские мученики, Данте, Леонардо, Гете, Достоевский. Оно повернуло вспять колесо прогресса и преградило путь к Богу. Революция — это заразная болезнь, и вступающая в переговоры с большевиками Европа обманывает не только себя, но и все человечество... результатом может оказаться разруха, голод, гибель культуры, славы, чести, духовного начала, падение народов и государств. Я предвижу этот кошмар, мрак, безумные разрушения человеческой природы».

Унгерн приступил к формированию Азиатской дивизии, основу которой составляли монгольские и бурятские всадники, но все управление возглавляли и контролировали русские офицеры. Сам барон сумел хорошо почувствовать и понять дух и обычаи монголов. «Любовь Унгерна к монголам предопределила традиционную в системах такого рода ненависть к евреям», — пишет современный исследователь жизни барона Л. Юзефович. — «Первые несли в себе божественное начало, вторые — дьявольское. Одни были воплощением всех традиционных добродетелей прошлого, другие — всех пороков современности». Монголы были прирожденными мистиками, как и сам Унгерн, евреи — крайними рационалистами, и в этом качестве олицетворяли собой все, что ему было ненавистно в прогнившей цивилизации XX в. Унгерн казался воплощением рыцарской средневековой Европы, но вместе с тем он был и плотью от плоти своей среды и эпохи. Его отвращение к современному міру было скорее интуитивным, чем интеллектуальным. Но весьма сходные с чувствами Унгерна

мысли о «Европе — острове мертвых» (*А. Блок*), о гибели средневековой цивилизации Воина и Героя и всеевропейском торжестве новой циничной и меркантильной цивилизации параграфа, расчета, продажности и лицемерия, высказывали в разное время священник Павел Флоренский, философы Константин Леонтьев, Освальд Шпенглер, Юлиус Эвола, поэт Примо-де-Ривера, писатель Пьер Дрие де ла Рошель, русские евразийцы, испанские фалангисты, немецкие национал-социалисты...

Но вернемся в 1918 г. Два года Унгерн провел в Даурии, облагая фактически средневековой данью проходившие через его станцию поезда. Туземный корпус надо было на что-то содержать, а производить полноценное финансирование атаман Семенов не мог. Поэтому реквизированные из поездов товары отправлялись в Харбин, где продавались через торговых агентов. На вырученные средства закупались продукты, снаряжение, обувь. Современники отмечают, что дивизия Унгерна была весьма дисциплинированной, одета-обута строго по форме (защитные рубахи и синие шаровары). Жалование в российской золотой монете выплачивалось строго регулярно. Ежедневно солдатам выдавалось по одной пачке папирос и спичек. Узнав, что в Чите собираются печатать бумажные деньги, барон ввел в своем «майорате» монеты из вольфрама с местных рудников. Выписал японскую чеканную машину, собственноручно нарисовал эмблематику.

Власть Унгерна была абсолютной. Только такая власть могла быть гарантом хоть какого-то порядка среди охвативших Россию всеобщего хаоса, продажности и большевистского озверения. Дисциплина поддерживалась чрезвычайно жестокими методами. Офицеры в возрасте и немалых чинах прятались под телеги, чтобы не попасться ему на глаза в пьяном виде. Если попадался пьяный — расстреливался немедленно, не дожидаясь вытрезвления. Вообше, сам Унгерн еще со времен Первой мiровой войны старался избегать офицерского общества. К рядовым же солдатам и казакам он относился исключительно хорошо, заслужив у них прозвище «дедушка». Солдатам импонировало, что из личного имущества у барона была лишь запасная смена белья и единственные сапоги. Офицера же, замочившего при переправе запасы муки он приказал утопить в реке, а одного из интендантов заставил съесть всю пробу недоброкачественного сена. *(Характерно, что соответственное отношение к офицерским и нижним чинам было характерно и для Императора Павла I — А.Ж.).* Телесные наказания были нормой. Самой распространенной экзекуцией стали «бамбуки» — избиение березовыми палками, при котором от тела наказуемого отваливались куски мяса. Дезертиров, саботажников, вороватых торговцев забивали насмерть. Имя Унгерна наводило ужас «на всех тех, кто мыслями и сердцем не воспринимал чистоту Белой идеи», — напишет позже полковник В. Шайдицкий, назначенный бароном комендантом станции Даурия.

«Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями. Все имущество их конфисковывать», — писал барон в знаменитом Приказе русским отрядам на территории советской Сибири # 15 от 21 мая 1921 г. Военно-судебную часть штаба унгерновской дивизии возглавлял генерал-майор, выпускник Военно-юридической академии. Часть существовала специально «для оформления расстрелов всех уличенных в симпатиях к большевикам, лиц, увозяших казенное имущество и казенные суммы денег под видом своей собственности, драпающих дезертиров, всякого рода "сицилистов" — все они покрыли сопки

к северу от станции» (В. Шайдицкий. «Отдельная Азиатская конная дивизия». / «На службе Отечеству». Сан-Франциско, 1963). Трупы казненных не хоронили. С наступлением темноты окрестности Даурии оглашались жутким воем волков и одичавших собак. Их не боялся только фон Штернберг. Барон любил в одиночестве гарцевать по сопкам, где всюду валялись черепа, скелеты и гниющие части обглоданных зверьем тел. В том месте обитал огромный филин, к которому Унгерн был чрезвычайно привязан. Однажды, не услышав любимого уханья, барон встревожился и, прискакав в казармы, отрядил дивизионного ветеринара, приказав найти филина и лечить его. Что и было исполнено.

Что же касается «жестокости» барона, которую вменяют ему многие красные и либеральные историки, то сам Унгерн сделал весьма примечательные пояснения Ф. Оссендовскому: «Некоторые из моих единомышленников не любят меня за строгость и даже, может быть, жестокость, не понимая того, что мы боремся не с политической партией, а с сектой разрушителей всей современной культуры. Разве итальянцы не казнят членов «Черной руки»? Разве американцы не убивают электричеством анархистов-бомбометателей? Почему же мне не может быть позволено освободить мiр от тех, кто убивает душу народа? Мне — немцу, потомку крестоносцев и рыцарей? Против убийц я знаю одно только средство — смерть!»

Сидение в Даурии закончилось к осени 1920 года. Движимый кармой Махагалы, фон Штернберг выступил в поход. Унгерн стремился к созданию «Великой Монголии» — в ней он видел первый шаг на пути к будущему обновлению России и Европы. Будущее государство должно было стать эпицентром грядущих вселенских потрясений, первым шагом на долгом пути к «Новому Средневековью». Азиатская казачья дивизия перешла границу Монголии и заняла позиции на подступах к столице — Урге (ныне Улан-Батор). Урга была захвачена китайцами. Во дворце содержался под стражей Богдо-гэген, воплощение живого Будды, под давлением врага отрекшийся от престола. Сразу китайцев выбить не удалось. 12-тысячный гарнизон регулярной армии пополнился тремя тысячами мобилизованных горожан. Двухтысячная дивизия Унгерна таяла в ходе отчаянных зимних боев. Однако, благодаря полководческому таланту фон Штернберга, враги буддизма были повержены. 1 февраля 1921 года столицу удалось взять. 26 февраля состоялась коронация Богдо-гэгена. Унгерн получил от восстановленного монарха ханский титул, доступный лишь чингизидам по крови: «Возродивший государство великий батор, командующий». А также одарен был личным, с пальца богочеловека, рубиновым перстнем со священным знаком «суувастик».

Снова защищать буддизм Унгерну пришлось через несколько недель. На Ургу двинулся десятитысячный корпус генерала Чу Лицзяна. Махагала выступил навстречу, имея пять тысяч ополченцев, не желающих возвращения китайцев. Испытываемый защитниками дефицит патронов был восполнен благодаря русскому инженеру Лисовскому, освоившему способ лить пули из стекла. Летели они недалеко, но пробивали насквозь. Так состоялась крупнейшее за последние двести лет сражение на монгольской земле. В чистом поле сошлись пятнадцать тысяч человек. На вершине близлежащей сопки кружился ургинский лама, заклиная духов помочь в бою... Барон, лично водивший своих ополченцев в атаку, даже не был ранен. Потом на седле, чересседельных сумах, сбруе, халате и сапогах Унгерна насчитали более семидесяти следов от пуль. Китайцы

были обрашены в бегство. С приходом Унгерна для Монголии завершилась китайская оккупация, длившаяся более двух веков.

Летом 1921 года Унгерн отправился возврашать трон династии Романовых, восстанавливать единственно легитимную Царскую Власть. Недаром Унгерн считал Русских Государей наивысшим воплошением идеи Царизма, т.е. «соединения Божества и человеческой волей». Вообше любые свои действия барон Унгерн рассматривал как частные эпизоды одной Великой Борьбы с міровой революцией, которой руководит международный иудаизм. Кстати, нет никакого сомнения в том, что если бы летом 1918 г. в Екатеринбурге нашлись офицеры подобные Унгерну, судьба Государя Николая II и всей Августейшей Семьи сложилась бы совершенно иначе. Недаром одним из любимых выражений барона было: «Все можно сделать, была бы энергия». Русский журналист Д. Першин, восхишавшийся талантами барона, написал в своих мемуарах: «...если бы в борьбе с большевиками было бы в качестве предводителей два-три или несколько больше таких Унгернов, то может быть, колесо фортуны повернулось бы, и не в сторону большевизма». (*Д. Першин. «Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак»*). Заметим, что подлинной трагедией Белого Движения стало то, что во главе его оказались слишком «системные» (да к тому же и замешанные в государственной измене — предательстве Царя Николая II) Алексеев, Деникин, Колчак, Врангель, а настоящие вожди и действительно харизматические лидеры, такие как барон Унгерн, атаман Семенов, генерал Каппель, старательно вытеснялись на периферию, искусственно маргинализировались и в результате интриг даже натравливались друг на друга ...

За день до выступления Унгерн писал: «Я начинаю движение на север и на днях открою военные действия против большевиков. Как только мне удастся дать сильный и решительный толчок всем отрядам и лицам, мечтаюшим о борьбе с коммунистами, и когда я увижу планомерность поднятого в России выступления, а во главе движения — честных и преданных людей, я перенесу свои действия в Монголию и сопредельные с ней области для окончательного восстановления династии Цинов, которую я рассматриваю как единственное орудие в борьбе с міровой революцией...». Современники задавались вопросом: «Объявление войны большевистской России — что это? Великий подвиг или безумие?» Сам Унгерн рассчитывал на две веши: Божий промысел и всенародную ненависть к коммунистам. Но в России, растерзанной большевиками, барона поджидали хорошо подготовленные и вооруженные поклонники сатанинской красной пентаграммы. Всюду, где проползало большевистское чудише, исчезали проявления любой жизни: и физической, и духовной. Народ же, по обыкновению, безмолвствовал. Унгерн был предан собственными офицерами и пленен. Он вполне мог бы повторить слова Императора Николая II: «Кругом измена, трусость и обман...» Впрочем, и сам барон однажды высказался в подобном ключе: «...всюду предатели! Честные люди перевелись. Имена вымышленные, документы поддельные. Глаза и слова лживые... Оскверненная большевиками страна полностью деморализована... Разве можно сейчас кому-нибудь верить?»

24 августа 1921 представитель Коминтерна в Монголии Шумяцкий посылает телеграмму наркому иностранных дел Чичерину с сообщением о захвате Унгерна. 26 августа Ленин посылает телефонограмму в Политбюро ЦК РКП(б):

«Предложение в Политбюро ЦК РКП(б) о предании суду Унгерна. Советую обратить на это дело побольше внимания, добиться проверки солидности обвинения и в случае, если доказанность полнейшая, в чем, по-видимому, нельзя сомневаться, то устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять» *(ПСС, т. 44, с. 110).* Следует заметить, что 17 января 1920 г. ВЦИК и СНК с грандиозной пропагандистской шумихой принял постановление об отмене смертной казни в отношении врагов советской власти. Ленин совершенно не хотел, чтобы публичный суд воспользовался этим постановлением и оставил Унгерна в живых Судьба барона была предрешена. Судебный фарс разыгранный большевиками над Унгерном продолжался всего один день -15 сентября 1921 г. Обвинителем выступал известный «борец с религией» Емельян Ярославский (Губельман). Основное место в своей обвинительной речи он отвел «зверствам» барона: убийствам коммунистов, евреев, совслужащих. На вопросы судьи и обвинения Унгерн отвечал «четко и определенно» *(см. газету «Советская Сибирь», /Новониколаевск,/ 20.09.1921 г.).* Он говорил: страной должен управлять самодержавный монарх, опираясь на аристократию, рабочие должны работать, а крестьяне возделывать землю. Армия должна воевать не за «какие-то идеи, выдуманные в последние 30 лет», а по указу монарха. О евреях барон повторил свои взгляды, известные по его письмах и беседах, а также по вышеупомянутому Приказу #15.

Судья Опарин: *Гражданин Унгерн, вам предоставляется последнее слово.*

Унгерн: *Мне нечего сказать.*

Барон жил по законам войны, знал, что и сам получит то же, и считал это справедливым. «Что нам, то и вам». Сам Унгерн предчувствовал свою смерть. Упоминавшийся выше Ф. Оссендовский как-то спросил барона, может ли он описать происходяшее вокруг, поскольку до этого записывал все увиденное в путевой дневник. Унгерн пролистал записки Оссендовского, прочел, что было написано о нем и сверху расписался: «Только после моей смерти. Барон Унгерн». «Но я старше Вас, и поэтому уйду раньше», — возразил Оссендовский. Барон, закрыв глаза, покачал головой и прошептал: «О, нет! Еше 113 дней и все будет кончено, а потом ... Нирвана! Если бы Вы знали, как я устал — от скорби, горя и ненависти!» Унгерн реально осознал свою смерть и стал от нее свободным. Он воспринимал свою жизнь так, как будто каждый момент ее являлся последним.

Конечно, путь барона Унгерна был проникнут глубоким буддизмом. Сама буддистская вера отнюдь не является доктриной жизни, как ее воспринимают европейцы. Согласно буддистской доктрине человек отличается от других сушеств только степенью близости к достижению Просветления, ввиду того, что ему дан больший разум. И воплошение в виде человека дано ему не случайно, а как шанс достигнуть Нирваны. Буддизм является доктриной уничтожения жизни земной для обретения высшей и истинной жизни Будды, совершенной жизни Духа. И путь в этот мір Духа лежит через смерть в міре людей. Выражение «смерть в міре людей» следует понимать как абсолютное уничтожение «человеческого в человеке» и обретения божественного. Само понятие физической смерти в буддизме относительно — цепочка перерождений в животной жизни не имеет начала и не имеет конца. Выход из міра животной сушности сушествует лишь в вертикальной плоскости, в горизонтальной — это безконечный лабиринт, каждый коридор которого за-

канчивается тупиком — смертью, которая открывает дверь в следующий коридор. Блуждать по этому безконечному лабиринту можно вечность и выход только один — Просветление, дарующее Нирвану. *(см. В.А. Кожевников. «Буддизм в сравнении с христианством». М., 2002).* В этом контексте можно лучше попытаться понять и судьбу барона Унгерна, и утверждение одного из его биографов, заметившего, что у барона «не было философии жизни, но определенно была философия смерти». Ведь воин, испытывающий неизменную внутреннюю готовность к смерти, свободный от инстинкта жизни, неминуемо достигнет Нирваны.

Мы не ставили своей задачей рассмотреть вопрос, насколько точно соответствовали религиозные взгляды Унгерна буддистскому канону. Очевидно барон Унгерн фон Штернберг в огне гражданской войны пытался выработать свой собственный духовный путь, соединявший в себе и буддистские каноны, и христианскую эсхатологию, и принципы средневекового рыцарства. Различные верования синтезировались в его сознании и уживались друг с другом. Неизменным оставалась вера в высший принцип — верность долгу. Этот путь вполне может быть сравним с Бусидо — морально-этическим и духовным учением японских самураев об идеальном воине и его пути в этом міре. Путь Бусидо называют путем Верности и Долга. «Служение идеалу — сердцевина Бусидо» (*см А. Басов. «Самурай». М.,2000).* Барон Унгерн служил прежде всего своим идеалам и эти идеалы были для него более ценны, чем сама жизнь. В этом свете Унгерн предстает величайшим идеалистом. Для воина, идущего путем Бусидо, естественно пренебрежение к опасности, доблестная смерть в бою для него так же желанна, как для римского легионера времен Сципиона Африканского, викинга или крестоносца. Принцип рыцарского верного служения Царскому Дому Романовых, Белой Идее, был доведен бароном до абсолюта — высшей ценности бытия и смысла жизни.

...Расстреляли барона в тот же день, спустя несколько часов по окончании судилища. Место его захоронения до сих пор неизвестно (предположительно, что это окраины нынешнего Новосибирска, бывшего Новониколаевска). После гибели Унгерна появились легенды о его чудесном спасении. По одной из них он был спасен красным командармом Василием Блюхером. Эту версию приводит в своей книге *«Грозные Махакалы Востока» (М., 2003)* современный российский историк и востоковед И. Ломакина. Мучаясь от нехватки профессиональных военных, Блюхер предложил барону роль «военспеца», а потом спас от расстрела и помог бежать через Париж в Бразилию. Там европеец, похожий на барона Унгерна, своим отчаянным безстрашием заслужил имя «Tiger Man». Но, как пишет И. Ломакина, «наши чекисты не стреляли мимо». И добавим от себя: красные командиры — отнюдь не наполеоновские маршалы или прусские офицеры. Благородству и чести они не были обучены, да и не стремились обучаться. Преданность «родной партии» заменяла блюхерам и ворошиловым **все.**

Верховный Суд современного квазигосударства «ЭрэФия» отказал барону в посмертной реабилитации. И прекрасно! Зачем ему она нужна от тех, с кем сам Унгерн поступил бы в полном соответствии с Приказом # 15? Перед тем как выступить в свой последний поход, барон в доверительной ночной беседе высказал Ф. Оссендовскому сокровенное: «России нужно прежде всего смыть с себя грех революции, очиститься кровью и смертью, а все, признавшие коммунизм, должны быть истреблены

вместе с их семьями, дабы вырвать грех с корнем». Как известно, в православной покаянной практике существует так называемая «полная » (или генеральная) исповедь. Подобная исповедь, во время которой исповедуются абсолютно все грехи и помыслы, начиная с семилетнего возраста, является совершенно необходимой для коренного перелома жизни исповедуемого, для исцеления его от тяжелых болезней, перехода от «ветхого» человека в новое духовное качество и т.п. Ни Россия, ни русский народ через подобную «генеральную» исповедь до сих пор не прошли. И пройдут ли — Бог весть. **Нет ощущения необходимости, нет желания «вырвать грех с корнем».** И пока не смыт грех революции, страшный грех нашего соучастия (вольного или невольного) в цареубийстве, будет продолжаться эта нынешняя безпросветная реальность, в которой погибают и Россия, и остаток русского народа.

Закончим снова стихами Алексея Широпаева:

«Засыпай, Россия. Впереди
Новая земля — Гиперборея.,
С черным коловратом на груди
Мчится окровавленный Майтрейя».

УНГЕРН ФОН ШТЕРНБЕРГ: БУДДИСТ С МЕЧОМ

Станислав Хатунцев

Барон Унгерн

*«Республиканская все-Европа придет в Петербург... и скажет: «Откажитесь от вашей династии или не оставим камня на камне...» ...Но если **мы будем сами собой**- то мы в отпор опрокинем со славой на них **всю Азию**...» (К.Н. Леонтьев, 1888 г.)*

80 лет назад, 15 сентября 1921 года, в городе Новониколаевске (ныне — Новосибирск) по приговору Чрезвычайного трибунала был расстрелян генерал-лейтенант Роман Федорович Унгерн-Штернберг — один из вождей Белого движения в Монголии и Забайкалье.

Барон Унгерн принадлежал к воинственному роду рыцарей и аскетов, мистиков и пиратов, известному со времен Крестовых походов. Семейные легенды уводят его происхождение еще дальше: к началу Великого переселения народов, к эпохе Аттилы и Нибелунгов, ставшей героическим мифом. Этот потомок крестоносцев родился в австрийском городе Граце 29 декабря 1885 г. (в то время его родители путешествовали по Европе). В Россию он попал лишь двумя годами позднее; семья его жила в Ревеле (сейчас — Таллинн).

Гимназистом Роман из-за «многочисленных школьных проступков» не стал, и в 1896 г. мать отдала его в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге. За год до выпуска, когда началась война с Японией, Унгерн поступил рядовым в пехотный полк, твердо решив уехать на фронт, в Маньчжурию. Однако сражаться с японцами ему не пришлось, он возвратился домой и поступил в элитное Павловское пехотное училище. В 1908 г. барон был зачислен в казачье сословие, стал офицером Забайкальского казачьего войска и снова отправился на Дальний Восток. Там он превратился в выносливого и лихого наездника, отчаянного дуэлянта. По словам людей, знавших Унгерна лично, его отличали необыкновенная настойчивость, жестокость и инстинктивное чутье.

Имя барона быстро обросло легендами о разных эксцентрических его выходках. Так, однажды, заключив пари с товарищами по полку, Унгерн, не зная местности, верхом, без дорог, проводников, провианта и имея лишь винтовку

с патронами проехал более шести сотен верст по тайге от Даурии до Благовещенска и при этом переправился на своем коне вплавь через полноводную Зею. В оговоренный срок барон уложился и пари выиграл.

У рубежей Монголии и Китая сотник Унгерн, с детства мечтавший о ратных подвигах и славе своих крестоносных предков, но при этом давно увлекавшийся Востоком и заявлявший что он — буддист в третьем поколении, пытался основать орден Военных буддистов для борьбы со «злом революции». В августе 1913-го барон, стремясь осуществить свои замыслы, вышел в отставку и уехал в Западную Монголию, где действовали отряды легендарного разбойника и странствующего монаха, знатока тантрической магии Тибета Джа-ламы, сражавшиеся с войсками китайской республиканской армии за город Кобдо. Но русское начальство запрещает ему служить под освященным ритуальной человеческой кровью знаменем Джа-ламы, и примерно через полгода Унгерн, так и не стяжав желанной воинской славы, возвратился домой.

Начало Міровой войны оставшийся не у дел барон встретил с таким же восторгом и воодушевлением, с каким по другую сторону российской границы встретил его другой уроженец Австрии, сидевший на мели художник Адольф Шикльгрубер (Гитлер по матери)... На фронте Унгерн с его отвагой и фатализмом (кстати, отличавшими и вышеупомянутого австрийца) получил Георгиевский крест — за участие в трагическом для русской армии Восточнопрусском походе, и чин войскового старшины (подполковника) — за дерзкие вылазки во вражеские тылы, однако так и остался командиром казачьей сотни: его начальники, генерал Крымов и полковник Врангель (тот самый) «повышать» отчаянного барона боялись. В 1917-м за избиение комендантского адьютанта, не предоставившего Унгерну квартиру, он был отчислен из действующей армии «в резерв чинов» с понижением в звании до есаула. Августом того же года Унгерн примкнул к мятежу Корнилова, а осенью, после его подавления, вместе с другими казачьими офицерами отправился на Восток, к Байкалу, затем — в Маньчжурию, превратившись в одно из главных действующих лиц эпопеи своего фронтового друга атамана Семенова, ставшего правителем восточных окраин России.

По всей вероятности, последний, едва ли не на половину бурят, потомок (по бабушке) Чингисхана, прекрасно знавший буддизм, владевший восточными языками, тоже был членом ордена Военных буддистов, основанного бароном. Это, а не только боевое товарищество, может объяснить высочайший статус, полученный отставником Унгерном в созданной атаманом системе власти. Отношения между Семеновым и Унгерном в Забайкалье были похожи на отношения между Далай- и Панчен- (или же Таши-) ламами в Тибете. Первый являлся официальным главой светской власти, второй — хранителем священной доктрины. Унгерн, конечно, не был авторитетом для ламаистской церкви, хранимая им доктрина была не столько религиозной, сколько политической с приставкою «гео». Сущность ее — «крестовый поход» против Запада, источника революций, силами «желтых», азиатских, народов, не утративших, подобно народам белым, своих вековых устоев, для реставрации свергнутых монархий и утверждения на всем Евразийском континенте «желтой» культуры и «желтой» веры, буддизма ламаистского толка, призванного, по мнению барона, духовно обновить Старый Свет. С этой целью Унгерн хотел создать державу, которая объединит кочевников Востока от бере-

гов Индийского и Тихого океанов до Казани и Астрахани. Ее исходным ядром должна была стать Монголия, опорой и «центром тяжести» — Китай, правящей династией — дом Циней, сметенный так называемой Синьхайской революцией 1911-1913-го годов.

Следует заметить, что эти прожекты, кажущиеся сейчас несбыточными, в первой половине XX века абсолютно фантастическими не являлись: обстановка, сложившаяся во Внутренней Азии после крушения Китайской и Российской империй, благоприятствовала осуществлению самых невероятных геополитических комбинаций. Панмонголистские планы, подобные планам Унгерна, вынашивали и пытались воплотить в жизнь и вышеупомянутый Джа-лама, и атаман Семенов, на реставрацию Циней делали ставку диктатор Северо-Восточного Китая генерал Чжан Цзолин и самая могучая военно-политическая сила Востока — Япония; в 1932 г. ее стараниями возникло монархическое государство с 30-ю миллионами подданных, которое именовалось Маньчжоу-го. Во главе его находился последний император из династии Цин Пу И. Оно просуществовало до августа 45-го...

В отношении же потенциальных носителей «духовного обновления» Унгерн заблуждался сильнее: уже тогда монголы и другие народы «желтого корня» стать спасителями человечества ни в малейшей степени не желали; стремления к воссозданию империи Чингисхана и всеевразийскому триумфу буддизма встретили с их стороны минимальную практическую поддержку. Доктрина барона была доктриной, измышленной человеком белой расы и для ее представителей. Ее важнейшая цель — очищение и оздоровление именно «нордических», т.е. белых, наций. Необходимо сказать и о том, что в созданных Унгерн-Штернбергом из азиатцев военных формированиях (речь об этом пойдет чуть ниже) использовалась система «двойного командования», как в колониальных подразделениях армий европейских держав, типа подразделений сипаев (после подавления сипайского восстания в Индии) и сенегальских стрелков: «туземных» солдат и офицеров курировали офицеры русские. Таким образом, на деле Унгерн и сам не слишком доверял тем, кому отводил роль, аналогичную роли пролетариата в концепции Маркса-Ленина. Вспомним, что и большевики тоже контролировали действия отрядов, набранных из рядов «класса-гегемона», «спасителя»; для этих целей, как известно, служил институт политических комиссаров... Однако вернемся к жизнеописанию «белого рыцаря «желтой» идеи».

Семенов пожаловал Унгерна комендантом Хайлара — крупной железнодорожной станции на КВЖД, чуть позже барон стал военным советником монгольского князя Фушенги, служившего атаману. Его отряд насчитывал порядка 800 всадников из племени харачинов, по мнению писателя и историка Л. Юзефовича — «самого дикого и воинственного из племен Внутренней Монголии». Постепенно Унгерн превратился в фактического командира этой боевой единицы. В сентябре 1918-го, после того, как белые взяли столицу Забайкалья Читу, Унгерн на целых два года осел в Даурии. Здесь и сформировал он свою знаменитую Конно-Азиатскую дивизию из казаков, бурят, монголов и целого десятка других народов Востока — от башкир до корейцев. Она создавалась как ядро континентальной контрреволюционной армии, орудие осуществления паназиатских идей.

Опираясь на ее сабли, «дикий барон», произведенный Семеновым в генерал-майоры, установил в Даурии режим личной власти феодального типа с сис-

темой жестоких наказаний и казней для всех, независимо от рода и звания. Эта территория, отгороженная от остального міра барьером суеверного, почти мистического страха перед ее хозяином, стала как бы первой провинцией будущей державы Востока. Под эгидой Семенова и Унгерна в Даурии проходили панмонголистские конференции, было создано правительство «Великой Монголии», никакой реальной властью, впрочем, не обладавшее. В августе 1919-го, при очередном наезде в Харбин, даурский барон женился на маньчжурской принцессе «династической крови», родственнице свергнутых императоров. Это усилило авторитет Унгерна в глазах азиатцев; монгольская аристократия поднесла ему титул «вана» — князя 2-й ступени. С осени того же года барон и атаман начали готовить поход на Ургу, столицу Внешней, или Халха-Монголии, правительство которой от участия в панмонгольском движении уклонялось и призвало в страну китайскую оккупационную армию.

В августе 1920-го Унгерн перебазировал свою дивизию из Даурии на запад — в городок Акша, откуда открывался более короткий путь на Ургу. Однако ненависть к большевизму толкнула его на конфронтацию с красными. Барон начал боевые действия против войск советской Дальневосточной республики, но соотношение сил уже тогда было не в его пользу. Теснимый численно превосходящим противником, Унгерн в начале октября с несколькими сотнями всадников растворился в северомонгольских степях. За этим кондотьером Гражданской войны шли преступники, которым ни при каком режиме нельзя было надеяться на пощаду, слабовольные, страшившиеся побега, и подобные ему самому конкистадоры Евразии, авантюристы-мечтатели, ласкаемые имперскими ветрами.

Отряд Унгерна материализуется близ Урги, к изумлению засевших в столице Халхи «гаминов» — солдат и офицеров китайской республиканской армии. Последовало два отчаянных штурма, но силы были слишком неравными: скудно экипированной дивизии унгерновцев, насчитывавшей менее 1000 всадников при 4-х орудиях и десятке пулеметов противостоял 12-тысячный, хорошо вооруженный и снаряженный экспедиционный корпус с мобильной артиллерией и огромными запасами всего, что необходимо для военной кампании: от патронов до продовольствия. Кроме того, под ружье было поставлено более 3-х тысяч ополченцев из числа китайских колонистов, живших в Урге. Понеся существенные потери, Унгерн отошел в восточную часть Монголии, туда, где уже весной 1920 г. развернулась партизанская борьба с китайскими оккупантами и где располагалось историческое ядро империи Чингисхана...

Под его знамена стекались русские, буряты, монголы — князья со своими воинами и простые скотоводы-араты, буддистские священники и монахи. Даже владыка Тибета — Далай-Лама XIII-й, обьявивший барона борцом за веру (китайцы запретили ламаистские богослужения и арестовали «живого Будду» — ургинского первосвященника и правителя Монголии Богдо-Гэгэна) прислал ему группу своих гвардейцев. Монголы, окружившие Унгерна почетом и поклонением, называли его Цаган-Бурханом, «Богом Войны», и считали воплощением Махакалы — идама, ламаистского божества о шести руках, жестоко карающего врагов «желтой веры».

Пополнив свои полки, демонический барон вернулся к Урге и начал ее осаду, несмотря на почти десятикратное превосходство китайцев в живой силе и неисчислимый перевес в оснащенности тя-

желым оружием, другими средствами ведения современных войн. Казалось бы, при таких условиях об успехе нельзя и думать, однако хорошее знание противника спасло барона и его войско. Воспользовавшись ошибками неприятеля, Унгерн провел образцовую кампанию психологической войны по-азиатски и за какие-нибудь 2 месяца сумел его деморализовать. Главной из ошибок было заключение под стражу Богдо-Гэгэна. Китайские солдаты восприняли его как кощунство и ждали за это кары сверхъестественных сил. Каждую ночь они смотрели на гигантские костры, разжигаемые казаками Унгерна на вершине священной горы Богдо-ула, находившейся к югу от монгольской столицы, полагая, что там приносятся жертвы могущественным духам, которые накажут обидчиков «ургинского Будды». Ламы и лазутчики из лагеря барона распространяли по городу выгодные для него слухи.

Сильным ударом по боевому духу «гаминов» стад визит в Ургу самого Унгерна. В один из солнечных зимних дней он появился посреди осажденной, ощетинившейся штыками столицы у дома китайского губернатора Чен И. Приказав одному из слуг держать за повод коня, барон обошел двор, подтянул подпруги и выехал за ворота. Заметив спавшего на посту у тюрьмы китайского часового, он угостил его ударами своего ташура (камышовой трости), растолковал разбуженному солдату, что спать на карауле нельзя и ускакал в сторону Богдо-улы. Никакой погони «гамины» организовать не успели. Визит барона посчитали знамением, чудом, также как и похищение — опять среди бела дня, на виду у всего города, унгерновским» агентами, бурятами и тибетцами, слепого Богдо-Гэгэна прямо из-под носа целого батальона китайской стражи. После этого один из генералов противника, Го Сунлин, бежал из осажденной Урги, уведя с собой наиболее боеспособную часть гарнизона — трехтысячный отборный кавалерийский корпус.

На рассвете 2 февраля 1921 года Унгерн пошел на штурм. Китайцы сопротивлялись яростно — так, как могут сопротивляться лить обреченные, но нападавшие имели успех повсюду. На следующий день «гамины» обратились в повальное бегство. «Безумному барону» достались фантастические трофеи, в том числе — огромное количество золота и серебра из кладовых 2-х располагавшихся в Урге банков; от Богдо-Гэгэна он получил титулы цин-вана, князя 1-го ранга, и наивысший, ханский, со званием «Возродивший государство великий батор, командующий», а также право носить монгольский халат-курму священного желтого цвета. После освобождения столицы состоялась коронация Богдо-Гэгэна — яркое, исполненное восточного колорита действо, ставшее триумфом Унгерна и Конной Азиатской дивизии. «Бог войны» стал фактическим диктатором большей части Халха-Монголии.

Однако война с китайцами была еше не окончена. Масса республиканских войск и беженцев-колонистов докатилась до монголо-русской границы и вернулась к Урге. На стороне китайцев был численный перевес и четкое понимание того, что лишь победа спасет их от гибели в голодных зимних пустынях. Тем не менее, в 2-х ожесточенных сражениях войска барона разгромили «гаминов» наголову. Бежать удалось немногим, оккупационная китайская армия перестала существовать. Унгерн опять получил большую военную добычу — винтовки, патроны, артиллерию, несколько тысяч пленных и проч. После этого в Пекине начали всерьез опасаться, что барон двинется на штурм китайской столицы: до нее от рубежей Халхи, где остановил-

ся Унгерн со своими опьяненными победами всадниками, оставалось порядка 600 верст — несколько дневных переходов. Однако вместо этого в начале апреля барон вернулся в Ургу и приступил к подготовке своего последнего похода — в Советскую Россию, к Байкалу.

Войска Унгерна составлявшие не более 4-5 тысяч сабель, включая подчиненные ему отряды атамана Кайгородова, полковника Казагранди и другие белопартизанские группы, — выступили 21 мая. С этими ничтожными силами барон бросил вызов огромному государству, режиму, одержавшему победу в Гражданской войне: тотальное превосходство красных его, искавшего подвига и смерти, смущало меньше всего. Унгерн рассчитывал поднять антибольшевистские восстания на Алтае, в верховьях Енисея, в Иркутской губернии, в Забайкалье, надеялся на помощь атамана Семенова, японской императорской армии.

Однако народ безмолствовал, Семенов и японцы никакой поддержки наступавшим не оказали. Красная армия вместе с революционными монгольскими частями заняла Ургу и другие важные пункты на территории Халхи, нанесла тяжелый удар по вторгшимся в Россию отрядам белых. Убедившись в безперспективности борьбы в Прибайкалье, барон вернулся в Монголию. Однако и здесь почва из-под ног «Цаган-Бурхана» уходит: он понимает, что скудные ресурсы страны не позволят ему сколько-нибудь долго сражаться с большевиками. Унгерн решает уйти в Тибет и вместе со своим войском поступить на службу к Далай-Ламе. Для него Тибет был хранилищем священного знания, где-то там располагалась легендарная Шамбала, «подземное королевство» Агарти — страна древних магов, из глубины своих пещер правяших міром. Унгерн ошушал себя орудием их вселенской воли...

Однако замысел барона осуществлен не был. Узнав о его намерениях, группа офицеров Азиатской дивизии составила заговор. Ближайший помошник Унгерна, генерал Резухин, был убит, ему самому удалось спастись, но власть над своими полками барон утратил. Возглавившие их заговоршики двинулись на восток, в Маньчжурию, Унгерн же отправился в Монгольский дивизион, единственное подразделение, на преданность которого еше можно было рассчитывать. Однако монголы его обезоружили и связали, отдали своему «Цаган-Бурхану» поклоны и оставили его в юрте, а сами умчались в степь. 22 августа связанного барона обнаружил красный разъезд. Конные разведчики доставили Унгерна в штаб советского Экспедиционного корпуса. Затем его переправили в Верхнеудинск, оттуда — в Иркутск, из Иркутска он попал в столицу Сибири — Новониколаевск. Здесь, при огромном стечении публики, 15 сентября состоялся суд. Барон был признан виновным по всем пунктам обвинения и приговорен к смерти. Вечером того же дня стрелковый взвод привел приговор в исполнение...

Личность барона Унгерна сложна и неоднозначна, она (и это не красное словцо) буквально соткана из противоречий. Чистопородный тевтон, он был наделен чертами типического русского самодержца, восточного сатрапа и ясновидца; «последний рыцарь», выходец из Средневековья, отмечен неизгладимым клеймом «железного», XX-го века; реакционер-монархист, непримиримый борец с Революцией, сам являлся пассионарием — носителем революционной идеи, только с обратным знаком, и поднял восстание против современного міра.

Унгерн фон Штернберг стал (не мог не стать) героем или антигероем сотен, если не тысяч, произведений: от стихотворных баллад и романов до театральных пьес и кинофильмов, от философских эссе и академических исследований до легкомысленных газетных заметок и сомнительных мемуаров; самые различные авторы — от Оссендовского, Несмелова и Хейдока до Юзефовича и Пелевина — обращались к образу «даурского крестоносца». Но все, что о нем написано, является лишь частью Унгернианы. То, что пером не схвачено, составляет не менее значительный ее пласт, пополняемый новыми и новыми мифами.

...О бароне помнят и в Европе, и в Азии. Он все еще скрывается в ее бескрайних просторах, ожидая исполнения завещанных сроков. Летом — в раскаленных ветрах, зимой — в колючих буранах, проносится над пустыней Гоби фигура исполинского, закованного в броню всадника с вороном на плече...

«Я — БАРОН УНГЕРН!»

(опыт православно-монархического евразийства)

Алексей Широпаев

Барон Унгерн перед расстрелом. Новониколаевск. 15.09.1921

«Когда голубчик Голицын и корнет Оболенский безуспешно искали работу таксистов в городе Париже, генерал-барон Роман Федорович фон Унгерн-Штернберг продолжал насмерть сражаться с красными негодяями. «Золотое знамя победит красную тряпку»,- любил повторять барон и по Большому Счету оказался прав» («Межлокальная контрабанда»)

Согласно легенде, именно так ответил «безумный барон» красноармейцам, когда они нашли его в забайкальской тайге, связанного и брошенного изменниками. Говорят, красные поначалу шарахнулись в ужасе от громового голоса уже безпомошного врага. Эхо этих слов по сей день гуляет по дебрям Сибири и степям Монголии — очевидно, что судьба начальника Азиатской Конной дивизии затронула некие метаисторические пласты…

Личность Унгерн-хана стала объектом многочисленных исследований оккультного плана, но почему-то никогда не осмысливалась с точки зрения православно-монархической эсхатологии. Видимо, православных исследований смущает наследственный буддизм Унгерна, воспринятый им от деда и отца. Однако, согласно святоотеческому преданию, даже иноверцы, павшие за Православного Царя, спасаются. Именно восстановление Русского Самодержавия было целью последнего похода Азиатской дивизии, на трехцветном знамени которой командир приказал начертать: «МИХАИЛ II».

За этим огненным именем скрыто нечто неизмеримо большее, чем просто попытка политического сплочения порабошенного Русского народа при помощи веры в чудесное спасение брата Царя-Мученика — Великого князя Михаила Александровича. «Царь скрывается» — в этом древнем народном мифе об избавительном явлении праведного Государя, мифе, всякий раз оживающем в смутное время и порой становящемся инструментом темных сил (Отрепьев, Пугачев), просматриваются пламенные черты последнего, апокалиптического Русского Самодержца, предсказанного святыми. И не стал ли «безумный барон» жертвенным провозвестником этого грядущего Царя — Царя Карающего, который сплотит Русь перед последней битвой с антихристом?

«Пришествие антихриста приближается и оно уже очень близко,- говорил архиепископ Феофан Полтавский, один из выдающихся подвижников минувшего века.- Время между нами и его приходом надо считать годами или, по крайней мере, десятками лет. Но до прихода антихриста Россия должна быть восстановлена — вероятно, лишь на короткое время. В России должен быть Царь, предызбранный Самим Господом. Он будет человеком пламенной веры, великого ума и железной воли. Вот все, что открыто о нем. Будем же ждать исполнения открытого» («Россия перед вторым пришествием», М., 1993 г.).

Унгерн часто обращался к словам Св. Писания: ***«И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа твоего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди до сего времени; но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге» (Дан. 12, 1)***. Воцарением первого из Романовых, Михаила Федоровича, в 1613 году закончилась Смута; «неведомого рода» Михаил II «восстановит попранное» революцией и победоносно завершит мистерию Третьего Рима. Именно таков сокровенный смысл знамени, поднятого Унгерном на излете Белого движения — в целом, к несчастью, не имевшего эсхатологической глубины.

«Он не будет Романовым, но по матери он будет из Романовых, он восстановит плодородие Сибири...» — пророчествовал о последнем Царе архиепископ Феофан Полтавский. И — странное дело — фигура барона-буддиста загадочным образом вписывается в пророчества подвижников Православия, согласно которым в грядущих судьбах России особая роль отведена Сибири, Китаю, Востоку. Как известно, Унгерн полагал, что «спасение міра должно произойти из Китая». «...Конец будет через Китай. Какой-то необычный взрыв будет и явится чудо Божие. И будет жизнь совсем другая на земле, но не на очень долго», — предрекал иеромонах Аристоклий Афонский. «Освобождение России придет с Востока», — пророчествовал Св. Праведный Иоанн Кронштадтский. Надо отметить, что «спасение» и «освобождение» в данном случае следует понимать «диалектически»: с православной точки зрения и татаршина была для Руси спасительной и даже освободительной, поскольку спасала русских от западных ересей и освобождала духовные силы народа для строительства Московского Самодержавия, привносила на Русь столь ценимый К. Леонтьевым «азиатизм», так долго оберегавший нас от «подобострастных предрассудков в пользу Европу». Такие соображения невольно приходят на ум, когда видишь сегодня Россию, тонущую в испражнениях западничества, и Китай, наливающийся первородной силой. Унгерн говорил, что «желтая раса двинется на белую» — «на кораблях и огненных телегах», «будет бой и желтая осилит», «потом будет Михаил». Эта эсхатологическая схема весьма перекликается с некоторыми православными предсказаниями о последнем Царе.

Можно предположить, что на Востоке, в формах соответствующих неправославному сознанию, хранится сокровенное знание об особой эсхатологической миссии Белого Царя, «Удерживающего теперь», возможно восходящее к древнеарийским истокам. В 1891 году, будучи в Японии, цесаревич Николай Александрович встретился с буддистом-затворником Теракуто, удивительно полно предсказавшим будущему Царю его мученический подвиг: «О, Ты, Небесный избранник, о, великий искупитель, мне ли предречь тайну земно-

го бытия Твоего? Ты выше всех <...> Два венца суждены Тебе, царевич: земной и небесный <...> Великие скорби и потрясения ждут Тебя и страну Твою. Ты будешь бороться за ВСЕХ, а ВСЕ будут против Тебя <...> Но нет блаженней жертвы Твоей за весь народ Твой. Настанет, что Ты жив, а народ мертв, но сбудется: народ спасен, а ТЫ свят и безсмертен. Оружие Твое против злобы — кротость, против обиды — прощение <...> Вижу огненные языки над главой Твоей и Семьей Твоей. Это посвящение. Вижу безчисленные священные огни в алтарях пред Вами. Это исполнение. Да принесется чистая жертва и совершится искупление. Станешь Ты осиянной преградой злу в мiре...». Вообще во время этого визита отмечались «особые знаки почитания и почести, которые оказывались Наследнику Цесаревичу буддийскими священнослужителями при посещении им буддийских храмов». Позднее даже говорили, что «буддизм склонялся перед Царевичем», а по существу — перед будушим Православным Царем-Мучеником. Десять лет спустя, 23 июня 1903 года, тибетское посольство преподнесло Императору Николаю II ПОДЛИННЫЕ ОДЕЖДЫ БУДДЫ, «к которым никто после него не прикасался». «Тебе одному принадлежат они по праву и ныне прими их от всего Тибета», — сказали буддисты Русскому Царю-христианину («Православный Царь-Мученик», М., 1997г., составитель С. Фомин). Невольно вспоминаешь апокалиптическое пророчество старца Серафима Вырицкого: «Восток будет креститься в России. Весь мiр небесный и те, кто на земле, понимают это, молятся о просвещении Востока».

Где теперь эти реликвии, возможно, украшенные знаком, столь ненавистным современному мiру? Общеизвестно, что в буддизме особо почитается свастика, которая в левостороннем начертании, означающим у христиан собирание Духа Святого, стала «символом подвига Царственных мучеников» — две левосторонних свастики были обнаружены колчаковцами в доме Ипатьева (см. Р. Багдасаров, Г. Дурасов. «Отверженный символ». Волшебная Гора #4, 1996 г.). По сути, свастика — это знак-завещание, оставленный Царственными Мучениками России. И надо сказать, что единственными белыми воинами, чьи имена и судьбы связаны с этим символом, были воевавшие на востоке (!) атаман Семенов и буддист барон Унгерн, который, по словам Леонида Охотина, не мог простить русскому народу измену Царю. «В часы медитации барон созерцал символ Свастики, печать Великого Чингизхана, знак Полюса и неподвижного центра вешей, который стоит вне изменчивого и хаотичного потока времени, как последний ориентир Судьбы», — отмечает А. Дугин. Этот знак украшал погоны воинов Монголо-Бурятского полка, шефом которого был атаман Семенов. В дальнейшем, уже в Харбине, судьба Семенова оказалась тесно связанной с промонархической Всероссийской фашистской партией, чьей эмблемой была черная свастика на оранжевом фоне (русские фашисты, настаивая на своей самобытности, говорили, что наследуют свастику из Ипатьевского дома; характерно, что это движение зародилось опять-таки на востоке, в Китае). Нельзя не упомянуть и маньчжурское Братство Русской Правды, эмигрантскую боевую организацию, эмблема которой представляла собой свастику в сочетании с Распятием, а униформа — черные рубахи и желтые кушаки — символизировала знамя Византии и Третьего Рима: черный двуглавый Орел на золотом (желтом, оранжевом) поле. Весьма примечательно, что цырики личной гвардии Богдо-гэгэна, «живого Будды», владыки Монголии, власть которого в феврале 1921 года восстановил Унгерн, носили желтые повязки с черной свастикой.

Трудно не обратить внимание на одно обстоятельство гибели Семенова. Как известно, в 1945 году, пытаясь скрыться на самолете от наступавших советских войск, он в результате ошибки пилота приземлился на аэродроме в Чан-Чуне, уже занятом красными. Хан Чян-Чун (хан войны) — так титуловали монголы барона Унгерна, верного соратника Семенова по Белой борьбе. Таинственная «рифма» судьбы...

Не секрет, что в жилах атамана Семенова текла изрядная доля бурятской крови, и потому самое время вспомнить П. А. Бадмаева, крешеного бурята, чья геополитическая деятельность, направленная на присоединение «к Российской Империи Китая, Тибета и Монголии», находила полное понимание Императора Александра III, его крестного. Князь Э. Э. Ухтомский писал: «Чингисы и Тамерланы, вожди необозримых вооруженных масс, создатели непобедимых царств и крепких духом, широкодумных правительств — все это закаливало и оплодотворяло государственными замыслами долгополую, по-китайски консервативную змиемудрую допетровскую Русь, образовавшую обратное переселению восточных народов течение западных элементов вглубь Азии, где мы — дома, где жатва давно нас ждет, но не пришли еще желанные жнецы». (Характерная деталь: Александр III был первым из наших послепетровских Государей, отпустившим старомосковскую «змиемудрую» бороду). Знаменательно, что впоследствии Бадмаев сблизился со старцем Григорием Распутиным — доверенным другом Царской Семьи, кстати, тоже выходцем с востока, из Сибири. Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. Бадмаев «весьма умело выполнил миссию объединения вождей монгольских племен в интересах России», возможно, в какой-то мере подготовив почву для позднейшего триумфа Унгерн-хана. Вообще подлинный, сакральный смысл упомянутой войны, скорее всего, раскрывается только в контексте нашей «восточной» темы, что было недоступно пониманию тогдашней русской общественности, вопившей о «безсмысленной бойне». Напомним: в 1904 году, за два месяца до начала (!) войны, один киевский богомолец удостоился видения, по которому вскоре был писан Порт-Артурский образ Божией Матери. Согласно воле Богородицы, иконе надлежало находиться в сражающемся Порт-Артуре, однако «прогрессизм», пропитавший к тому времени русское общество, помешал доставить образ в крепость немедленно. «Жатва» не состоялась... Один современный исследователь обратил внимание на примечательную деталь другой богородичной иконы — Державной, явленной в день отречения Императора Николая II: взор Богомладенца на этой иконе обращен на Восток... И тут вспоминается Приамурский Земский собор, состоявшийся в 1922 году во Владивостоке («Владей Востоком»!). Собор подтвердил верность лучшей части народа Царскому принципу и вошел в историю как прообраз зари Русского воскресения, Русского Востока последних времен.

По существу, этому Востоку принадлежал Унгерн, в чьей судьбе «на миг блеснул и погас апокалиптический луч Белого Царства» (о. Сергий Булгаков). И конечно же он, вестник завтрашнего средневековья, не вмешался в рамки презренной гуманистической морали XX века. По сей день лжецы и профаны твердят о «садизме» и «патологической жестокости» Унгерна, описывая «бамбуки», сажания на лед и, разумеется, еврейские погромы. Однако за всем этим стояла не жестокость маньяка, но аскетическая жесткость воина-подвижника, самим Провидением призванного «осво-

бодить мiр от тех, кто убивает душу народа». Не будучи христианином, барон, тем не менее, яснее крещеных белых вождей сознавал глобально-катастрофический смысл крушения Православной монархии в России. Унгерн-хан понимал, что тотальной религиозной войне, обьявленной иудо-большевизмом Порядку, можно противопоставить только тотальную религиозную войну, «благой геноцид» по образцам священной древности. «Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями»,- писал он в своем Приказе #15, выступая из Урги на север, в последний поход... Вспоминаешь, как пророк Моисей искоренял идолопоклонство в своем, тогда еще богоносном, народе: ***«Ста же Моисей во вратех полка и рече: аше кто есть Господень, да идет ко мне. Снидошася бо к нему вси сынове левиины. И рече им: сия глаголет Господь Бог Исраилев: препояшите кийждо свой меч при бедре, и пройдите, и возвратитеся от врат до врат сквозе полк, и убийте кийждо брата своего, и кийждо ближняго своего, и кийждо соседа своего. И сотвориша сынове левиины, якоже глагола им Моисей: и паде от людей в тот день до трех тысяш мужей...» (Исход, 32, 25-29). «Убивай нечестивыя от лица Царева и исправится в правде престол Его» (Пр. 25, 5)***. В книге Н. Козлова «Последний Царь» (1994 г.) карательный поход Иоанна Грозного в Новгород справедливо уподоблен вышеприведенному эпизоду священной истории: пожалуй, Унгерн — единственный из белых вождей, кого можно представить скачущим в составе опричных сотен.

В заключение еше раз обратимся к пророчеству Феофана Полтавского о последнем Царе, который «восстановит плодородие Сибири» (сопоставим со словами Э. Ухтомского о жатве, ждущей Россию в Азии). Не идет ли речь о ДУХОВНОМ плодородии, связанном с именем Михаила? А. Дугин полагает, что «Сибирь, по сути дела, является не девственной территорией, этакой tabula rasa, но просто провиденциально сокрытой, хранящей древнейшие секреты от недостойных взоров». Задумаемся: Урал, врата Сибири и Русского Востока вообше, окроплены искупительной кровью Царственных Мучеников и «опечатаны» тремя свастиками: две были в доме Ипатьева, а третья — древнеарийское городише Аркаим (в плане — свастика), обнаруженное в Челябинской области в 1987 году, десять лет спустя после уничтожения ипатьевского дома. Две печати уже сняты. На противоположном краю Сибири — Владивосток, город последнего (по времени) Земского собора, завешавшего Русскому народу идею восстановления Православного Царства. «Друг царей» сибиряк Григорий Ефимович Распутин — не был ли этот человек Божий провозвестником грядущего «плодородия Сибири»? А можно ли умолчать об испешренном кержацкими свастиками Алтае — околице Тибета, находившейся в собственном владении Государя Николая II? Нельзя забыть и о том, что сибирская земля в годы советского богоборчества обильно полита кровью православных новомучеников. Что значит все это? Что уготовила Сибирь мiру на последние времена? Апокалиптическое знамя Третьего Рима — золотое, с черной свастикой? Не об этом ли возвестил Унгерн-хан, опричник Царя Михаила II, сознательно выступая в заведомо безнадежный поход?

ТРИПЕСНЕЦ «БОГУ ВОЙНЫ»

ПОВЕЛИТЕЛЬ МОНГОЛИИ
(памяти Р.Ф.Унгерн-Штернберга)

Я слышал,
В монгольских унылых улусах,
Ребенка качая при дымном огне,
Раскосая женщина в кольцах и бусах
Поет о бароне на черном коне.
(Арсений Несмелов)

Безумный рок ведет барона,
За ним — дивизий конный строй.
На офицерские погоны
Ложится пыль за слоем слой.

Над азиатскою пустыней
Встает таинственный Алтай —
Волшебный край подземной чуди,
Старинных сказов вечный край.

Звезда барона на восходе:
Бегут разбитые враги,
И реет рыцарское знамя
Над палисадами Урги.

Барон — великий воплощенец,
В нем хана дружно признают
Князья хошунные и ламы,
Что родились средь грязных юрт.

Ему начертано судьбою
Собрать мильоны желтых орд,
Чтобы единою ордою
На Запад устремить поход.

На камне камня не оставить
От фабрик, банков и контор,
В подвал Истории отправить
Европы либеральный сор.

Создать империю пророков,
Где правит подлинная знать,
Открыть печать заветных сроков
И богдыханом міра стать.

Но звездный час печально краток,
И новый витязь на коне,
Пугая белых куропаток,
Летит по выжженной стране.

А старый мрачно восседает
Меж балдахинов и ковров,
На город тень свою бросает,
Казнит невинных и воров.

Еще сильны его отряды,
Поступки вольны и дики,
Но красной тучей уж нависли
Монголо-русские стрелки.

Лавина звезд и алых шапок
Победно движется на юг.
Барон-мечтатель, трон твой шаток,
Вползла измена в тесный круг!

Беги! — Туда, где степи чисты,
Где горы дышат красотой...
Но в кокаиновых виденьях
Блуждает взор его пустой.

...Звезда склонилась к горизонту,
Темнеет блеклый небосвод,
Цигарки втоптаны в суглинок,
Команду ждет расстрельный взвод.

Монах, диктатор, самодержец,
Храбрец, фанатик и палач,
Твоя лихая кобылица
Уже не пустит больше вскачь!

Станислав Хатунцев

УНГЕРН ФОН ШТЕРНБЕРГ

На нем лежит как символ посвященья
Арийской чистоты последняя печать.
Он — бог Войны, он — призрак отомщенья,
Мы смотрим на него, и... глаз не оторвать.

В годину скорбную всеобщего крушенья
Он орды дикие сплотил в стальную рать.
Не дрогнул он при слове «расстрелять» —
Причастник Вечности не знает пораженья.

Вглядись в портрет его, чтоб, может быть, понять
Грядущее в чертах тевтонского барона,
Что верность сохранил, не отступая вспять.

Мистический Тибет хранит Грааль закона
И вечный трон, что дасью не занять...
Царь Міра близится, взыскуя роскошь трона.

Сергей Яшин

УНГЕРН

К востоку, к востоку, к востоку...
(Д.Андреев)

Казаки, монголы, буряты —
Полков уничтоженных тени,
Что пули страшней и булата,
Несутся тропой сновидений.

Ведет их все тот же кромешный,
Безумный барон безутешный.
И видят сибирские урки
Крыло пролетающей бурки.

Монголы, буряты, казаки —
На запад, на запад, на запад,
Туда, где сверкает столица,
Легенда, как туча стремится.

На офисы, факсы и пластик —
Мистерия шашек и свастик.
Смотрите: на банковских стенах
Пульсирует конская пена.

В ребристые ваши тоннели
Бураны степные влетели.
И рушит компьютеров недра
Империя бронзы и ветра.

Сорвав занавески и шторы,
Влетят в сновидения ваши
Буряты, казаки, монголы,
Влекомы прибоем Ла-Манша.

Как язву, незримые сотни
На вас насылает сегодня
Тевтонец в косматой папахе,
Махатма заката и плахи.

Холодный, чужой как могила
Он, встав на оплавленных плитах,
В разряженный воздух зенита
Поднимет штандарт Михаила.
Штандарт золотой Михаила.

Алексей Широпаев

Барон Унгерн — опричник грядущего

Сергей Яшин

Барон Унгерн. Урга. 1921

Подлинная Традиция всегда носит четко выраженный расовый характер. Только Белый Человек способен адекватно отразить Весть, нисходящую с небес Духа. Только иафетическая раса является отражением божественного плана. Это аксиома любого здорового міропонимания очевидна и не подлежит обсуждению.

Наши Предки, пришедшие в этот мір подобием ангельского воинства, отвоевывали жизненные пространства, возводили роскошные храмы, созидали незыблемость Империй. Величие Руси, Белого Царства носило четко выраженный нордический характер. Даже Ордынское иго не растворило нашей чистоты, тогда как весь остальной мір все больше и больше погружался в пучину расового смешения. Русь была в большей степени Европой, чем сама Европа, постепенно утратившая былые аристократические ценности.

Разумеется, что все благородное, чистое, возвышенное вызывает животную ненависть всевозможных тварей. Непрекращающаяся смена заговоров, измен и предательств привели к тому, что в 1917 г. міровые инверторы нанесли нам жестокий и подлый удар. Большевистская тактика заключалась не только в уничтожении нордического элемента, отраженного в духовенстве и аристократии, но и в политике расовой ассимиляции Русского человека, в превращении его в безродное, жалкое существо непонятной национальности.

В годину всеобщего крушения, руин, распада всего и вся, лишь немногие остаются прямостоящими. Лишь немногих черная магия Железного века не заводит в безнадежный тупик. Это те, в ком не смолк Зов крови, кто не утратил первородного благородства. Герой Белого движения, русский генерал, Роман Федорович Унгерн фон Штернберг является воплощением именно такого типа, — типа, который оправдывает наше существование.

Барон Унгерн родился в 1885 г. в Граце (Австрия) в семье балтийских аристократов. Божьей волей предки барона стояли на страже Белого міра — не нынешней куцей и оккупированной силами нового мірового порядка Европы — а нашего, чаемого от Дублина до

Владивостока. Предназначением рода Унгернов было служение, ибо способность служить всегда отличала подлинную аристократию. Предки барона поочередно служили Ричарду Львиное Сердце, Тевтонскому ордену, Германии, Российской Империи. Они были теми, для кого Честь является Верностью.

После прихода к власти большевиков Роман Федорович одним из первых вступил в непримиримую борьбу с красными, подняв знамя со священным знаком Свастики, знаком Солнца Правды, мученичества за идею, Полюса. Этот же знак украшал и погоны бойцов, созданной бароном Азиатской Конной Дивизии.

Тем временем силы тотальной деградации торжествовали на поруганных святынях. Пророчество о нашествии Гогов и Магогов, похоже, стало сбываться. Россия, преданная западными союзниками, стонала под игом иудо-большевистского террора. Орды варваров надвигались с Востока. Потерявшая независимость Монголия была оккупирована китайскими войсками. Тысячи русских патриотов и монголов, сочувствующих Белому движению, были брошены в тюрьмы, где подвергались самому жестокому обращению. Азиатская Конная Дивизия, теснимая красной армией, вступила в Монголию. Вступила, чтобы победить, чтобы создать плацдарм для освободительного похода против большевиков и западной плутократии. В 1920 г. столица Монголии город Урга была освобождена от китайских оккупантов. Барон Унгерн становится первым европейцем, получившим титул Хан Войны, Хан-Чян-Чун.

В часы своих медитаций, созерцая знак Гаммированного Креста, барон обдумывал планы геополитического спасения Белого міра. Создание духовного щита из истинных воинов, сохранивших верность Традиции, было призвано спасти арийский континент от желтого варварства и коммунистического ададержавия. Эти планы стали реально осуществляться. На контролируемой Азиатской Конной Дивизией территории восстанавливалась Традиция, Справедливость, Порядок. Красная агитация, дезертирство, мародерство карались самым безпощадным образом. За пьянство офицеров бросали в прорубь. Те, кто выживал, пить переставали.

Приказы Унгерна, датированные 21 мая 1921 г. подобны разящим сабельным ударам. «Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями. Все имущество их конфисковывать», «Старые основы правосудия изменились. Нет «правды и милости». Теперь должны существовать «правда и безжалостная суровость». «Мера наказания может быть лишь одна — смертная казнь разных степеней». Отсеченные головы большевистских провокаторов... виселицы... кнуты... дыбы... От всего этого заурядное человеческое существо съеживается, пытается забраться в скорлупу пресловутого гуманизма. Но мір подлинной, высокой Справедливости не знает жалости и сострадания. Любой суд, осуществляемый во имя нашего Порядка, становится прообразом будущего Страшного Суда. Ведь сказано: ***«Не мните, яко приидох воврещи мир на землю: не приидох воврещи мир, но меч» (Мф. 10,34).***

Борьба барона Унгерна с силами инфернального распада продолжалась и после того, как пуля большевистского палача прервала его земное существование. Она продолжается и сейчас. В какие бы одежды, коммунистические или либеральные, не рядился наш враг, он всегда и повсюду один и тот же. Ненавидящий все традиционное, благородное, аристократическое. Так называемые евразийцы, вдруг полюбившие тевтонского баро-

на, отдавшего жизнь за Российскую Империю, явно лицемерят. Как никого другого их нельзя причислить к нашим друзьям. Их идеи по-существу противоречат стратегическим планам барона Унгерна. Выступая за идею некоего «суперэтноса», за расовое смешение, они фактически подменяют Русский Порядок порядком интернациональным, ублюдочным.

Великий опричник Михаила II, Государя, мистически удерживающего имперское пространство от сил хаоса и деградации, барон Унгерн фон Штернберг становится символом нашего сопротивления. Герои не умирают. Они уходят, чтобы вернуться. Азиатская Конная Дивизия барона Унгерна вновь ворвется в этот осатаневший мiр, уже для окончательной Победы.

СТРАШЕН БОГ ВО СВЯТЫХ СВОИХ

Р. Бычков

«В истории мы встречаем безконечный ряд мучеников, более или менее безупречных, более или менее славных. Нет того века, который не имел своих воинствующих мучеников, которые, несомненно, очень охотно умирали, когда не могли более убивать» (Мишле)

Барон Унгерн. Урга. 1921

Личность барона Унгерна, несмотря на свою почти уже вековую давность, нисколько не потеряла ни в своей загадочности, ни в своей притягательности для изрядного числа традиционалистов и мистиков. Как верно отмечает традиционалистски настроенный русский публицист Е. Маликов: это «...человек, уже при жизни ставший легендой, провозглашенный монголами Богом Войны, чаше всего отождествляющимся с докшитом Бег-Дзе, и реинкарнацией Чингис-хана, который должен был вернуться, чтобы дать монголам освобождение и возвратить былую славу. Голубые глаза и рыжая борода барона только подтверждали эту легенду, ибо эти признаки предание приписывало Чингис-хану. Но не внешность барона и легенды монголов, связанные с ним, сделали его фигуру, пожалуй, самой загадочной в среде «цивилизованных» генералов «европейцев» гражданской войны, а тот дух жестокости средневековья, который он возродил в своей дивизии в XX-м веке... Фигура барона неизменно вызывала интерес не только у профессиональных исследователей, но и у историков-любителей, краеведов и даже мистиков, пожалуй, с самого расстрела барона в 1921-м году. Место расстрела и погребения барона до сих пор остается тайной (где-то под Ново-Николаевском), что тоже поддерживает интерес к этой фигуре до сих пор... Среди «белых» генералов Унгерн с самого начала был единственным и непоколебимым сторонником абсолютной монархии (единственный, кого тут можно еше указать — генерал-мистик, «воевода Земской Рати», куратор следствия по убиению Царской Семьи М. К. Дитерихс — Р. Б.), что было в высшей степени нехарактерно для других вождей «белого» движения...».

Напомним также, что Рене Генон в 1938 г. в своем журнале «L'Etudes Traditionelles» поместил весьма примечательное свидетельство об Унгерне, подписанное неким «майором Антоном Александровичем», белым офицером по-

льского происхождения, бывшим инструктором монгольской артиллерии». Свидетельство следующего содержания: «Барон Унгерн был выдающимся человеком, чрезвычайно сложным, как с психологической, так и с политической точки зрения.

1) Он видел в большевизме врага цивилизации.

2) Он презирал русских за то, что они предали своего законного Государя и не смогли сбросить коммунистическое ярмо.

3) Но все же среди русских он выделял и любил мужиков и простых солдат, интеллигенцию же ненавидел лютой ненавистью.

4) Он был буддистом, и был одержим мечтой создания рыцарского ордена, подобного Ордену Тевтонцев и японскому бушидо.

5) Он стремился создать гигантскую азиатскую коалицию, с помощью которой он хотел отправиться на завоевание Европы, чтобы обратить ее в учение Будды.

6) Он был в контакте с Далай-Ламой и с мусульманами Азии. Он обладал титулом монгольского хана и титулом «бонза», посвященного в ламаизм.

7) Он был безжалостным в такой степени, в какой им может быть только аскет. Абсолютное отсутствие чувствительности, которое было характерно для него, можно встретить лишь у существа, которое не знает ни боли, ни радости, ни жалости, ни печали.

8) Он обладал незаурядным умом и значительными познаниями. Его медиумичность позволяла ему совершенно точно понять сущность собеседника с первой же минуты разговора».

При всем при том, однако, несмотря на «толикий облак свидетелей», доселе не прозвучало наиважнейшее свидетельство — свидетельство о бароне как о великом ***угоднике Божием Романе***, яко о мученике Иисусовом. Предвидим, что подобная постановка вопроса способна показаться слегка «шокирующей» даже для «мистиков-традиционалистов». Возьмемся, тем не менее, высказать ряд суждений в обоснование сказанного.

Перво-наперво, надобно подвергнуть дополнительному изъяснению сам феномен ***святости*** в Христианстве, ибо понимание его в современном человечестве превесьма затемнено разного рода гуманистическими примышлениями. Так, под «святым» явным или подразумеваемым образом понимают обычно человека «доброго», точнее «доброго» в некоей превосходной степени («сверх-доброго») — едва ли не «великого гуманиста». Ничто не может быть более далеким от традиционного христианского понимания! Святые Божии человеки, конечно, имели разновидный нрав — кто-то был более милостив и мягкосердечен (как, например, св. Исаак Сирский, молившийся, как известно, за демонов), кто-то более жестким и даже жестоким (как, например, св. пророк Илия, собственными руками закалавший сквернослужителей, лжепророков Вааловых или наводящий засуху и голод на согрешившую землю). Но главное ведь не в особенностях нравственных качеств того или иного из сонма Святых, но в том, что ***все они сподобились стать обиталищем Святаго Духа Божия***, соделались ***«причастниками Божеского естества» (2Петр. 1,4)***, причем в такой мере, что за всеми их словами и деяниями оный Дух и действовал, и глаголал. «Всеблагий Бог к вечному и вседовольному чуду Своего Божественного откровения и благодатного смотрения, явленного чрез животворящее страдание и смерть Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, благоизволил при-

соединить разновременные и разноместные и до ныне продолжающиеся чудеса святых Своих»,— говорится в одном из старых русских катехизисов. Сообразное с Традицией понимание сих вещей высказал со свойственным ему изяществом и глубокомыслием Честертон в эссе «Книга Иова».

«...Те, кто сетует на жестокость или лукавство судей и пророков Израиля, — пишет он, — ведомы мыслью, которая к делу отношения не имеет. Они — христиане; они привносят в дохристианскую пору чисто христианское представление о святости, то есть о том, что орудием Божиим обычно бывают очень хорошие люди... Понять не могу — неужели простодушный скептик, читая о лукавстве Иакова, думает, что написавший все это (кто бы он ни был) не догадался, в отличие от нас, что Иаков поступает премерзко? Нет, представления о чести изменились не так сильно! Однако скептик этот, как почти все теперешние скептики, — христианин. Ему кажется, что патриарх должен быть образцом, что Иаков вроде святого; и тогда я, конечно, меньше удивлюсь его удивлению. Но это — не дух Ветхого Завета. Герои его — не дети Божьи, а рабы, громадные страшные рабы, вроде восточных джиннов, служивших Аладдину.

Главную мысль большей части Ветхого Завета можно бы назвать одиночеством Божьим. Господь — не только главный герой этих книг, Он — единственный их герой. Перед ясностью Его цели намерения всех прочих тупы и автоматичны, словно у животных; перед весомостью Его все сыны плоти — словно тени. Снова и снова так и слышишь: ***«Я топтал точило один, и из народов никого не было со мною» (Ис. 63, 3)***. Все патриархи и пророки — просто орудия Его, оружие, ибо Господь — муж брани. Навин для Него — боевой топор, Моисей — отмер, Самсон — только меч, Исайя — только труба. Святые — подобны Богу, они — как бы крохотные Его статуи. Человек Ветхого Завета похож на Бога не больше, чем пила или молоток похожи на плотника. Вот ключ к израильскому Писанию, вот главная его черта». Единственное, в чем мы позволим себе оспорить высоко ценимого нами духовного писателя — все названные и неназванные патриархи и пророки Ветхого Завета суть не «вроде святого», но доподлинные святые Божии, чьи имена содержатся в святцах как Православной, так и Католической Церкви. Более того, не только ветхозаветные святые похожи на «громадных страшных рабов» Божиих. Но и история новозаветной святости знает и свой Топор Божий, и свой Меч Божий, и свой Молот Божий (вспомним хотя бы св. равноапостольного Царя Константина, св. блгв. Царя Иоанна Грозного или же (распростирая взгляд на латинство) тех же «отцов-инквизиторов»... Поистине, не только ***дивен***, но и ***страшен*** Бог во святых Своих! В качестве дополнительного подтверждения сказанного, приведем выписку из еще одного авторитетного источника Священного Предания. В житии св. Григория Паламы, помещенном в Афонском Патерике, содержится упоминание о следующем посмертном чуде сего святого мужа: «На острове Сантурине, в день памяти божественного Григория, — именно во вторую неделю Великого поста, франки разгулялись, — набрали с собою мальчиков и пустились плавать на легких каиках, или лодках, по морю, при совершенной тишине и ясной погоде. Между тем, как они таким образом веселились, демон внушил им злую мысль, на собственную их погибель: всплескивая руками, как неистовые, они и безнравственные их дети вопили: «Анафема Паламе! Анафема Паламе! Если свят Палама, — пусть утопит нас!». И божественный Григорий Палама, по их собственному суду, испросил им у Бога желаемое ими отмщение. Пучина зевнула, — и несчастные, вместе с каиками, погрузились

в море и потонули... Таким образом, Бог проявил славу Григория, как единого от великих Своих святых, в которых Он и дивен, и страшен» (см. Афонский Патерик, ноября 14).

Таким образом, отмеченная выше черта деятельного благочестия барона Унгерна — его «средневековая жестокость», «безжалостность аскета» — находит свое соответствие в феномене «лютой святости», известном Христианской Традиции. Остается, правда, обширная область недоумений, связанная с «буддизмом» барона (крешеного при рождении в лютеранстве). Возможен ли, допустим ли, с точки зрения Христианской Традиции, благочестивый обман подобного рода, когда некто, сохраняя внутреннюю верность своей природной вере, наружным образом переходит в чужую веру? Оставим покамест в стороне иезуитов, в чьей среде подобная практика получила изрядное распространение, поищем лучше ответов в писаниях святых Отцев. Св. Иоанн Златоуст в Первом слове о священстве говорит: «Хитрость благовременная и сделанная с добрым намерением приносит такую пользу, что многие часто подвергались наказанию за то, что не воспользовались ею. Припомни, если хочешь, отличнейших из военачальников, начиная с глубокой древности, и ты увидишь, что их трофеи большей частью были следствием хитрости, а такие более прославляются, чем те, которые побеждали открытой силой. Последние одерживают верх с великой тратой денег и людей, так что никакой выгоды не остается им от победы, но победители бедствуют нисколько не меньше побежденных и от истребления войска, и от истощения казнохранилища. Притом они не могут наслаждаться вполне и славою победы, ибо немалая часть ее принадлежит иногда и побежденным, которые побеждаются только телами, преодолевая душами, и если бы возможно было им не падать от ударов и постигшая смерть не сразила их, они никогда не потеряли бы мужества. А победивший хитростью подвергает неприятеля не только бедствию, но и посмеянию. Там оба (и победители, и побежденные) равно получают похвалы за мужество; а здесь — относительно благоразумия не так, но трофей всецело принадлежит победителям, и, что не менее важно, они приносят в город радость о победе безукоризненную. Изобилие денег и множество людей не то, что благоразумие души; те истрачиваются, когда кто непрестанно пользуется ими на войне, и пользовавшиеся лишаются их. А благоразумие, чем более кто употребляет его в дело, тем более обыкновенно увеличивается. И не на войне только, но и в мирное время можно находить великую и необходимую пользу от хитрости, и не только в делах общественных, но и в домашних, у мужа в отношении к жене и у жены к мужу, у отца к сыну и у друга к другу и даже у детей к отцу. Так, дочь Саула не могла бы иначе исхитить мужа своего из рук Саула, если бы не употребила хитрости в отношении к отцу, и брат ее (Ионафан), желая спасенного ею спасти от новой опасности, воспользовался тем же самым средством, каким и жена (Давидова) (1Цар. 19 и 20). <...> Так блаженный (Павел) привел ко Христу многие тысячи иудеев (Деян. 21, 20-26). С этим намерением он обрезал Тимофея, тогда как к Галатам писал, что ***Христос ничтоже пользует обрезывающимся*** (Деян. 16, 3; Гал. 5, 2). Для того он был под законом, хотя считал ***тщетою*** оправдание от закона при вере во Христа (Флп. 3, 7-9). Велика сила такой хитрости, только бы она употреблялась не с злонамеренной целью; или лучше сказать, ее должно называть не хитростью, но некоторой предусмотрительностью, благоразумием и искусством, способствующем находить много выходов в безвыходных положениях и исправлять душевные недостатки. Так, я не назову Финееса убийцей, хотя он одним ударом пронзил двух человек (Числ. 25, 8); также и Илию — за сто (убитых) воинов с их военачальниками, и за обильный поток крови, пролитый им при уби-

ении жрецов демонских (4 Цар. 1; 3 Цар. 18). Если же мы опустим это из виду, и если кто будет смотреть на одни дела, не принимая во внимание намерения действовавших, тот может и Авраама обвинить в детоубийстве, а внука и потомка его обвинит в злодеянии и коварстве; потому что один (Иаков) овладел первородством (брата своего), а другой (Моисей) перенес египетские сокровища в израильское войско (Быт. 27; Исх. 12, 35, 36). Но нет, нет; не допустим такой дерзости! Мы не только не виним их, но и прославляем их, потому что Сам Бог восхвалил их за это. Обманщиком справедливо должен называться тот, кто пользуется этим средством злонамеренно, а не тот, кто поступает так со здравым смыслом. Часто нужно бывает употребить хитрость, чтобы достигнуть этим искусством величайшей пользы; а стремящийся по прямому пути нередко наносит величайший вред тому, от кого не скрыл своего намерения». Возьмемся утверждать, что пресловутый «переход в желтую веру» со стороны Унгерна был ничем иным, как таковым благокозненным коварством, подобным тому обрезанию, которому подверг св. ап. Павел своего спутника и помошника в благовествовании Тимофея (да и то сказать, учение Будды, пожалуй, менее отдалено от Христианства, нежели обрезание !). Где еше видывали «буддиста», планирующего военные операции, сообразуясь со Священным Писанием, с книгою св. пророка Даниила и с Апокалипсисом св. Иоанна Богослова. Но и больше того — пред самою мученическою кончиною, в присутствии красных палачей, барон гласно исповедал свою веру в Христа-Спасителя. О том сохранилось свидетельство советского писателя-чекиста Владимира Зазубрина, присутствовавшего при допросах Унгерна и делавшего там записи — своего рода новейшие Acta Martyrium. Приведем фрагмент из очерка В. Зазубрина «О том, кого уже нет (Унгерн)»:

«На допросе в Штабарме... После фотографа Унгерн на четверть часа в моем распоряжении. Сажусь на стол, рядом, напротив.

— Я хочу поговорить в вами не как следователь, я не хочу вас допрашивать. Я знаю, вопросы вас утомили и, наверное, надоели вам. Я беллетрист, немного историк. Меня интересует только нравственная сторона, идейное обоснование вашей борьбы.

Кажется, удачно. Барон улыбается. Но он недоверчив немного к человеку с красной звездой на груди. Наверное, какой-нибудь «товариш» безграмотный.

— А вы человек образованный? — Барону нужно знать, с кем имеет дело.

— Немного по печатному разбираю.

— Ну я готов.

— Скажите, почему вы ссылаетесь на священное писание? Зачем нужен вам был апокалипсис? Вы искренне верили?

— Безусловно. Вот вы знаете Конфуция? У него, как и у вашего Ленина, как в коммунизме, ничего нет о боге (здесь и далее мы сохраняем написание В. Зазубрина — Р. Б.), о загробной жизни, все только о том, как бы здесь устроить и установить порядок. Учение Конфуция — религиозное учение. Учение вашего Ленина и коммунизм — тоже религия. Я полагал, что с религиозной идеей и такой сильной, как ваша, можно бороться тем же оружием — религией. Коммунизму я противопоставил христианство.

— Но ваш террор? Разве это по-христиански? С семьями, с детьми?

— Это не террор. Это обычай Востока. У китайца, у монгола враг, глава семьи, неотделим от членов семьи. Убить одного мало восточному человеку, надо всех. Я должен был угождать своим жестоким солдатам. Это я делал для них. Хотя, в конце концов, это была моя ошибка. Так не надо бы.

Клубы дыма стоят над бароном. Он делает долгую затяжку. Сосредоточенно молчит некоторое время.

— Моя идея — создать кочевую монархию от Китая до Каспийского моря. Я за монархию. Без послушания нельзя. Николай I, Павел I — идеал всякого монархиста. Нужно жить и управлять так, как они управляли. Палка прежде всего. Народ стал дрянной, измельчал физически и нравственно. Ему палку надо. Вообще белые никуда не годятся. Я за желтых. Желтые, несомненно, победят. <...>

— Кто писал, составлял ваши приказы?

— Я приказывал, — неожиданно у барона прорвалось прежнее, вольное. Сжались сухие кулаки. Глаза провалились под нависший тяжелый лоб.

— Я приказывал.

Да, ты приказывал. Не щадил... На секунду поувствовался настоящий Унгерн. Сильный, с огромной инициативой, несомненный организатор, боевик, сорви голова и палач. Палач божьей милостью, по призванию, вдохновенный.

— Вас просят в Ревсовет!

Наша беседа окончена. Барон торопливо вскакивает, оправляет, запахивает халат. На лице прежняя виноватая, тихая улыбка. Смерть напоминает о себе. Барон, придавленный ею, ступает тяжело, немного откидываясь назад... Теперь его уже нет».

Осталось, собственно, только кратко прокомментировать прозвучавшее выше: «белые никуда не годятся» и «желтые, несомненно, победят». Не было ли со стороны барона какой-либо измены расовым идеалам Арийства? Действительно, армия Унгерна состояла не только из белых русских частей, но и в значительной части из желтых, туземных обитателей Монголии и Китая, «жестоких восточных солдат», «наполовину чертей» (ежели воспользоваться крайне уместными здесь словами Р. Киплинга). Но понять, в чем состоял подлинный замысел возглавителя всей этой полу-Орды полу-Ордена (коего его демоноподобные солдаты почитали в качестве бога Войны, докшита Бег-Дзе) не представляется возможным, не сделав прежде краткий экскурс в дальневосточную демонологию. Некий современный исследователь-этнограф отмечает в соответствующей работе: «При утверждении какой-либо новой религиозной системы в качестве господствующей (особенно заимствованной: буддизма, христианства, ислама) низшая мифология приобретает отчетливо «неофициальный» характер и оказывается в оппозиции к «официальному» культу... Впрочем, по отношению к деяниям его божеств поступки персонажей низшей мифологии бывают зеркально симметричными и в какой-то мере повторяют их (подобно тому как в архаической мифологии «негативный дублер» культурного героя или демиурга либо неудачно подражает ему, либо выполняет его поручения). Это происходит, когда указанное противостояние сменяется компромиссом, к которому по прошествии времени обычно оказываются готовы обе стороны. Так, в Центральной Азии местные духи шаманского пантеона, укрощенные буддийскими миссионерами или святыми, начинают ревностно служить «желтой вере». Согласно монгольской легенде, неоднократно воспроизводимой в исторической литературе, грозный тибетский бог Бэгдзэ сначала пытается остановить следующего в Монголию Далай-ламу, чтобы помешать обращению живущих там народов в истинную веру. Он является к нему во главе демонов, принявших облик разных животных, но в конце концов сам берет на себя обязанности защитника религии и начинает выполнять повеления Святейшего по подавлению и приведению к покорности «богов, духов и демонов монгольских земель, имеющих верблюжьи, конские, бычьи, бараньи, змеиные, ястребиные и волчьи головы»... Равным образом в Рос-

сии «заклятые праведниками бесы, черти в средневековых житиях святых трудятся во славу церкви: водят священнослужителей в Иерусалим, помогают строить Киево-Печерскую лавру и т.п.»... Аналогичные примеры можно привести и из других религиозных традиций» (С. Ю. Неклюдов, «Образы потустороннего міра в народных верованиях и традиционной словесности»). Отсюда во многом проясняются грани мистико-политического замысла «безумного» (во Христе безумного!) барона — заклясть силою Креста (известно, что гамматический Крест был элементом формы воинов Азиатской Конной дивизии Унгерна) желтых демонов и «полу-чертей» Центральной Азии и привести их к покорности предвещенному христианскими духовидцами апокалиптическому Белому Царю. Напомним в сей связи те знаменитые строки из знаменитого Приказа # 15 от 21 мая 1921 г. по Азиатской Конной Дивизии, в коих начальник ея раскрывает конечную цель своей священной борьбы: «Народами завладел социализм, лживо проповедывающий мир злейший и вечный враг мира на земле, т.к. смысл социализма — борьба.

Нужен мир — высший дар Неба. Ждет от нас подвига в борьбе за мир и Тот, о Ком говорит Св. Пророк Даниил (гл. 12), предсказавший жестокое время гибели носителей разврата и нечестия и пришествие дней мира: ***«И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа твоего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени; но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге <...> Многие очистятся, убелятся и переплавлены будут в искушении; нечестивые же будут поступать нечестиво, и не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют. Со времени прекрашения ежедневной жертвы и поставления мерзости запустения пройдет 1290 дней. Блажен, кто ожидает и достигнет 1335 дней»***.

Твердо уповая на помощь Божию, отдаю настояший приказ и призываю вас, офицеры и солдаты, к стойкости и подвигу».

Как правило, под «Михаилом» из этого и иных воззваний Унгерна понимают Великого Князя Михаила Александровича — брата св. Царя-мученика Николая, умученного иудо-большевиками в Перми в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. И как правило же, появление имени «Царя Михаила» на знамени Белой Борьбы в Сибири и на Дальнем Востоке связывают с распространенными тогда слухами об успешном побеге и спасении Вел. Кн. Михаила из комиссарского плена. «Все уверены, что он спасся, — свидетельствует один из современников событий. — Все восстания, бывшие в Западной Сибири, шли под лозунгом «за царя Михаила Александровича»...». Версии и слухи самые разнообразные имелись на тот момент в обращении. Так, например, известен документ, письмо некоего А. Сотникова, датированное 19 апреля 1921 г. и адресованное представителю атамана Семенова Германии Э. Фрейбергу, касательно слухов насчет спасения и проезда великого князя Михаила Александровича через Сибирь на Дальний Восток. В указанном письме, среди прочего, говорится: «Е. И .В. великий князь Михаил Александрович в январе 1919 года проехал через Забайкалье. До Даурии его сопровождал атаман Семенов, от Даурии и до Харбина он был сопровождаем бароном Унгерн-Штернбергом. Из Харбина Е. И. Высочество направился на юг в Китай... Из разных многочисленных источников мне перед отъездом доводилось слышать, что великий князь Михаил Александрович живет в одной из английских южно-азиатских колоний, где-то в районе Сиама...». Примечательным образом отголоски перечисленных слухов

отпечатлелись в рассказе А. Куприна «Шестое чувство», повествующем о допросе автора в ЧК на предмет написанной им ранее и опубликованной в одной из белогвардейских газет статьи о Великом Князе «Михаил Александрович». В уста своего следователя Куприн вложил и такие вот многозначительные слова: «...Вы не только ненавидите, но и презираете установленную пролетарскую народно-рабочую власть и ждете взамен ее великого князя Михаила Александровича, как бы архистратига Михаила, стоящего с огненным мечом. Не так ли?...». Нам видится, что действительно так. Не мог же, в самом деле, столь изрядный знаток Священного Писания, как барон Унгерн всерьез полагать, что у пророка Даниила речь идет именно о вел. кн. Михаиле Александровиче, вся предшествующая жизнь которого (как всем хорошо известно) была сознательным уклонением от страшного бремени Царского служения. В то же время, полагаем, что вышепомянутые слухи о том, что какой-то «князь Михаил» из тайного укрывища вдохновляет Белую борьбу с сатанинской «пролетарской народно-рабочей» властью и не вполне безпочвенны. Так с каким же «князем Михаилом» встречался барон Унгерн? Не с тем ли самым, о коем упомянул выведенный Куприным чекист-вурдалак (персонаж, по-научному говоря, «низшей мифологии») — который с огненным мечом? Архистратигом Силы Господней. Полагаем, что именно с ним. За обликом «безумного барона», вонствующего мученика мы прозираем сияние крыл Воинствующего Архангела, покровителя всех браноподвизающихся за всесладчайшее Имя Иисусово.

И последнее. Крайне маловероятно, что в святцах какой-либо из «поместных церквей» обрящется когда-либо имя «св. великомученика болярина Романа». Но разве это что-то меняет для тех, кто ожидает и достигнет тысячи трехсот тридцати пяти дней? Ни в малой мере. Нам ведомо, что отнюдь не все святые будут познаны в качестве таковых, тем более познаны христоотступниками... ***«И Он сказал мне: как не можешь ты исследовать и познать того, что во глубине моря, так никто не может на земле видеть Сына Моего, ни тех, которые с Ним, разве только во время дня Его» (3 Езд. 13, 52).*** Немного осталось времени. Он близок. Близок вожделенный для нас и жуткий для врагов наших день, когда не невидимо, но видимо уже предстанет пред лицем неба и земли Спас наш, ангельскими дориносимый чинми, в лике коих предстанут и «кромешный Унгерн», и «светозарный», и все мы, которые с Ним.

Унгерн фон Штернберг Роман Федорович

Библиографическая справка взята в сайта: http://www.hrono.ru редактор Вячеслав Румянцев (http://www.hrono.ru/avtory/rumyantzev.html)

Унгерн фон Штернберг Роман Федорович (1885, г. Грац, Австрия — 1921, Новониколаевск) — военный деятель. Происходил из старинного баронского рода. Не долго посещал гимназию, откуда был исключен «из-за плохого прилежания и многочисленных школьных проступков». В 1896 был отдан в Морской корпус в Петербурге; за год до его окончания во время русско-японской войны 1904 — 1905 оставил учебу, чтобы отправиться на фронт рядовым в пехотный полк, но, когда Унгерн фон Штернберг попал на Дальний Восток, война уже закончилась. В 1908 окончил Павловское пехотное училише и служил хорунжим в Забайкальском казачьем войске. В 1913 вышел в отставку и отправился в Монголию, приобретя обширные познания об этой стране. С началом первой мировой войны служил в полку 2-й армии А. В. Самсонова, был ранен, но плена избежал. Был награжден Георгиевским крестом и дослужился до есаула, командира сотни. В нач. 1917 был делегирован в Петроград на слет Георгиевских кавалеров, где в пьяном виде избил комендантского адьютанта. От тюрьмы Унгерна фон Штернберга спасла Февральская революция. В авг. 1917 вместе с Г. М. Семеновым он был направлен А. Ф. Керенским в Забайкалье для формирования добровольческих частей. После Октябрьской рев. служил под началом Г. М. Семенова, который в 1919 произвел Унгерна фон Штернберга в генерал-лейтенанты.... В 1920 покинул Семенова, перешел монгольскую границу и в февр. 1921 захватил Ургу. Веривший в свою избранность, окруженный гадателями, астрологами, Унгерн фон Штернберг стал фактическим диктатором Монголии, мечтая о воссоздании державы Чингисхана, противостояшей западной культуре и мировой революции. В мае 1921 с 10-тыс. отрядом вторгся на советскую территорию. Был разгромлен частями РККА. Монголы выдали Унгерна фон Штернберга «красному» партизанскому отряду. Унгерн фон Штернберг был судим ревтрибуналом и расстрелян.

ИЗДАНІЕ БРАТСТВА СВ ПРП ІОСИФА ВОЛОЦКАГО
Адрес для писем: Москва, 109518, а.я 10 Макееву А. М.

Наше издание можно приобрести: в Москве в отделе распространения «Русского вестника», ул. Черниговский пер. д 19; в книжной лавке журнала «Москва», ул. Арбат, д. 20; в музее Маяковского; в магазине, «Русский хозяин», Новоясеневский пр-т.д.1; в магазине «Ad Marginum», 1-й Новокузнецкий пер., д. 7/7; в магазине исторической книги, Старосадский пер., д. 9, а также разумеется; у «Бланка»; в Санкт-Петербурге: 4-ая Рождественнская ул. д. 23, вход через подворотню дома 25, тел.: (812) 468-23-25

E-mail:loring@msk.internet2.ru http://www.bratstvo.nationalism.org

тираж 888

УНГЕРН —
БОГ ВОЙНЫ
Андрей Жуков
«Я — БАРОН УНГЕРН!»
Алексей Широпаев
УНГЕРН :
БУДДИСТ С МЕЧОМ
Станислав Хатунцев
СТРАШЕН БОГ
ВО СВЯТЫХ СВОИХ
Р.Бычков
БАРОН УНГЕРН —
ОПРИЧНИК ГРЯДУЩЕГО
Сергей Яшин